

KANTELE

ТАУНХАУСЫ В РЕПИНО

Приобретение квартир осуществляется посредством вступления в ЖСК «ЦДС-Репино» и уплаты взносов.
 Подробная информация о вступлении в ЖСК в отделах реализации.
 С информацией о застройщике и о проекте строительства можно ознакомиться на сайте cds.spb.ru

КВАРТАЛЬНЫЙ НАДЗИРАТЕЛЬ

специальные тематические страницы журнала
 спб.собака.ru № 7 (150) июль 2013

Репино
 Северный курорт

проект представляет
 ГРУППА КОМПАНИЙ
ЦС ЦДС

КУЛЬТУРНЫЙ ПРИГОРОД

КУЛЬТУРНОЙ СТОЛИЦЫ

Приглашение вступить в ЖСК «ЦДС-Репино».
Приобретение квартир осуществляется посредством вступления в ЖСК «ЦДС-Репино» и уплаты взносов.

KANTELE

ТАУНХАУСЫ В РЕПИНО

от 7,9 млн руб.

320-12-00

www.cds.spb.ru

Реклама

Подробная информация о вступлении в ЖСК в отделах реализации.
С информацией о застройщике и о проекте строительства можно ознакомиться на сайте cds.spb.ru

КАРТА МЕСТА

Слово редактора

АННА ПЕТРОВА
— о названиях Репина

Литератор Дмитрий Быков в одной из статей в шутку запатентовал название филологической дисциплины титулогии, изучающей названия поэтических сборников. Мол, по ним отлично слышно эпоху. Футуристические «Волчье солнце» и «Дохлая луна» в 1920-е сменялись брутальными «Пути борьбы» и «Мы брови хмурим», которые устарели к середине 1930-х, когда восторжествовали гранитные «Кремль», «Слава», «Планер», «Крылья». По названиям пансионатов и ресторанов в Репине также легко следить за сменой вкусов. Финских топонимов не сохранилось никаких, из дореволюционных — только интеллигентские «Пенаты». В 1960-е нейтральное «Репино» служило исчерпывающей положительной характеристикой. Так назывались и называются до сих пор пансионат, турбаза, дома творчества композиторов и кинематографистов. Однако санаторий «Репино» стоит отличать от гостиницы «Репинская» и от бутик-отеля «Репино». Разнообразие вносили ведомственные здравницы «Обувщик», «Строитель», «Балтиец» (Балтийского морского пароходства). Пансионат «Буревестник», вероятно, намекал на Горького, который в 1905 году жил в этом месте на вилле «Линтула». Впрочем, в 1970-е «Буревестником», как и «Зарей», часто называли пионерлагеря, дружины и отряды. В перестройку пришла мода на американизмы. Вера в привлекательность латиницы жива до сих пор: коттеджный поселок Repin Village, таунхаусы Bellagio, отель Residence, Stroganoff Steak House, отель Casablanca. Востребована игра слов и букв: ресторан Runo.ru, кафе Za Live, был еще «Репи-Маркет». В последнее время зазвучал финский акцент, жилые комплексы Ollila, Kivenpara, Kantele — загадочно и с намеком на историю. Но кого-то больше интригуют не слова, а цифры. На автобусных остановках значатся пугающие 750 километров. Не иначе как счет километров на Приморском шоссе идет от Москвы!

проект представляет: **ГРУППА КОМПАНИЙ «ЦДС»**

Отель Residence

в бывшем доме отдыха «Строитель»

Станция Репино (Куоккала)

Поезда приходят сюда с 1870 года.

Таунхаусы «Кантеле»

от Группы компаний «ЦДС».

Дом творчества кинематографистов

Ресторан «Шалашин»

Пансионат «Буревестник»

Школа

Пансионат «Балтиец»

Санаторий «Заря»

Дом композиторов
Место для творческого отпуска.

Санаторий «Репино»

Здравница 1970-х.

Илья Репин

— хозяин усадьбы «Пенаты».

Пляж «ЧУДНЫЙ»

И по всему берегу — череда ресторанов и кафе «с панорамой».

Наше МОРЕ

Купаются нынче в заливе единицы, но гуляют вдоль берега — сотни.

1 Курортный поселок

Автобус уже советский, названия поселков еще финские. Апрель 1941 года

Финский рыбацкий поселок Куоккала петербургские дачники облюбовали, когда в 1862–1870 годах финны связали Петербург и Хельсинки железной дорогой и здесь появилась остановка, а потом станция. Добраться

из столицы в близкую Финляндию, хоть и входившую в состав Российской империи, но сохранявшую автономию — свою полицию, денежную систему, почту, государственный язык, — стало делом полутора часов. Визы не требовалось, таможня и граница были почти формальностью. Тогда еще не существовала Приморская железная дорога, и Сестрорецк с окрестностями лежали вдалеке от станции, так что Куоккала стала доступным побережьем раньше других. Русские господа принесли в скромное финское селение привычки столичной жизни: театр, журфиксы, променады. Куоккалу полюбила интеллигенция. Напротив репинских «Пенатов» появился дом Чуковского, недалеко построились Анненковы, несколько лет снимала дачу семья будущего академика Лихачева. Нуждающийся Маяков-

ский летом 1915-го, как он вспоминал в автобиографии, «установил семь обедающих знакомств. В воскресенье «ем» Чуковского, в понедельник — Евреинова и т. д. В четверг хуже — ем репинские травки. Для футуриста ростом в сажень — это не дело». (На самом деле Репины принимали по средам, но в их доме действительно подавали лишь вегетарианские блюда.) На старых планах Куоккалы можно найти адреса петербургских ювелиров, артистов, крупных чиновников. Хронику местной жизни 1910-х годов лучше всего отражает альманах «Чукоккала», куда гости Чуковского вписывали стихи, заметки и рисунки. Все это кончилось в 1917 году. В 1918-м, после Гражданской войны, страны ошестинились непроницаемой границей, связь с Петроградом прервалась, модное дачное место оказалось на задворках Финляндии. Но пляж нигде не делся, и постепенно курортная жизнь наладилась, центром ее стал поселок Териоки (будущий Зеленогорск). В Куоккале насчитывалось пять финских здрав-

Поезда, следовавшие из Петербурга в Финляндию, приходили в Куоккалу шесть раз в день

ниц, среди них славился пансионат Союза ремесленников Mansikkaoja («Земляничный ручей»), располагавшийся на территории нынешнего санатория «Репино» (Приморское шоссе, 392). Отобрав у финнов Карельский перешеек, советское правительство организовало на трофейных дачах базы отдыха, а в 1948-м побережье от Солнечного до Смольячкова было объявлено курортной зоной — с профсоюзными здравницами, пансионатами, пионерлагерями и дачами детсадов. За последние двадцать лет система сильно мутировала, но ее рудименты еще различимы.

2 Поселок контрастов

Исчезнувший дом Чуковского, где друзья и знакомые в 1910-е создали альбом «Чукоккала»

В Репине по-прежнему много дач, но нет садоводств. В лесу без заборов и огородов стоят государственные дачи — скромные типовые домики с верандами, их можно узнать по белым номерам на стенах. Считается, что госдачи дают городским льготникам, ветеранам, инвалидам, но на практике не только им. Отсутствие права собственности не позволяет арендаторам развлекаться, и в районе Лермонтовского проспекта Репино сохраняет облик двадцатилетней давности (если не считать свежепостроенного комплекса для конституционных судей). Иное дело — 2-я Новая

Типовая гос-
дача посреди
леса. Типовая
«Хонка» — за
высоким за-
бором

Дачи детских са-
дов постепенно
исчезают, то ли
из-за ужесточе-
ния санитарных
норм, то ли из-за
стоимости земли

У входа в Дом
творчества кине-
матографистов.
Среди собра-
вшихся — Эльмер
Разанов, Григорий
Горин, Георгий Да-
веля. Фото с сай-
та www.dtkr.info

или Песочная улицы, здесь прохожему от-
крывается парад особ-
няков очень состоятель-
ных людей. Кто-то из
творческой элиты полу-
чил участок в дар от го-
рода, другие не только
купили старые дома, но,
расселив соседей, созда-
ли целые поместья. Го-
товые дома в комплексе
«Консульская дерев-
ня» (между Примор-
ским шоссе и Песоч-
ной улицей) риелторы
предлагают за 16 мил-
лионов. Корреспондент
«Форбс», побывавший
в Репине лет пять назад
с целью изучения «пе-
тербургской Рублевки»,
с восторгом описывал
спокойную, интелли-
гентную, не рублевскую
атмосферу этого места.
Про особое — творче-
ское, несуетное — на-
строение Репина до-
водилось слышать от
людей, которые много
лет ездили и ездят сюда
в дома творчества.

3 Территория творчества

В Репине, как и в сосед-
нем Комарове, поми-
мо пансионатов, баз от-
дыха, дач детских садов
с 1950-х годов возник-
ла такая особая форма
совместного прожива-
ния, как дома творчества.
Члены творческих сою-
зов — писателей, архи-
текторов, композиторов,
кинематографистов —
за символическую пла-
ту получили право жить
месяц-два в году в специ-

ально созданных «профессиональных
резервациях» — в отдельных домиках
(коттеджах) или многоэтажных кор-
пусах. Такое пребывание могло быть
творческим отпуском, и тогда по воз-
вращении нужно было отчитаться со-
зданными произведениями, или просто
отдыхом без всяких обязанностей. Дея-
тели всяческих искусств ездили на по-
бережье регулярно, знакомились, об-
щались, ходили друг к другу в гости.
Так сформировался интеллектуальный
ландшафт поселка. Люди старшего
поколения рассказывают, что стоило
выйти на Приморское шоссе и поднять
руку, как останавливалась буквально
первая машина — и это обязательно
были знакомые. Поскольку через дома

творчества проходило го-
раздо больше народа, чем
если бы это были частные
дачи, Репино восприни-
малось как пространство об-
щественное, всеоюзное
и всеоткрытое. Зимой ко-
теджи становились местом
удинения, почти отшель-
ничества, но их принадлеж-
ность творческому союзу
позволяла жить в Репине
творческим людям из других городов.
Упоминания о «моей Куоккале» не раз
встречаются в стихах Беллы Ахмаду-
линой, в Репине написаны многие про-
изведения Шостаковича, специально
приезжавшего сюда из Москвы отды-
хать и работать. Анна Петрова

Коттеджи в
Доме творче-
ства компози-
торов

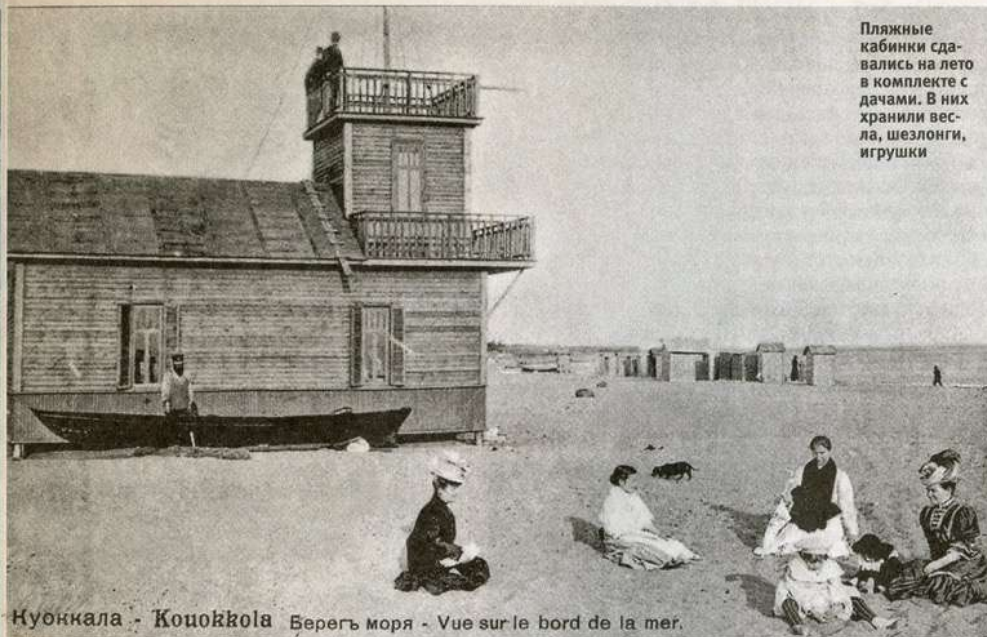
Местный

**Елена
Бадмаева**
модельер — о жизни
рядом с «Пенатами»

«Наше Репино» началось с дру-
жеского предложения Михаи-
ла Дзюдзе («Терем-квартира»)
и его супруги Инги пожить у
них на даче в Солнечном. Мы
накрепко прикипели к Курортному району
и решили, что возвращение потомства вы-
пускников «Мухи» и Академии художеств
должно протекать не иначе как по соседству
с «Пенатами». В Репине мне нравится все,
даже пробка по воскресеньям, в которой нам
не надо стоять, поскольку мы здесь живем и
в город не спешим. Ненавижу одно: мусор!
Питербуржцы — ужасные зас...ы! Немного
беспокоит застройка побережья. В профес-
сиональном плане я понимаю поиски и вы-
думки застройщиков, но то, что они в итоге
делают, далеко от меня в общечеловеческом
смысле. Нам нравится гулять и разглядывать
фундаменты финских построек, гадая об их
предназначении, — все эти гранитные клад-
ки, ступени в никуда. И еще на границе Сол-
нечного и Репина самые высокие дюны на
побережье! Здесь сохранился дачный флер,
но не настолько дачный, как в садоводствах,
отсутствует деревенский налет, что для меня
только плюс. Цивилизации — сколько нужно,
ни больше, ни меньше. Ее часть — велико-
лепная дорога вдоль залива. Я в нее влюбле-
на много лет! Нижнее шоссе переменно, но
извилисто, красиво, залив то мелькает за
соснами, то вырывается чуть ли не на обочину.
Параллельно идет велосипедная дорожка не-
вероятной протяженности — от Сестрорецка
до Зеленогорска. В Репине все продумано
для людей, их отдыха и досуга. Его атмосфе-
ра располагает к творчеству.

Пляжные кабинки сдавались на лето в комплекте с дачами. В них хранили весла, шезлонги, игрушки

Куоккала - Kuokkala. Берег моря - Vue sur le bord de la mer.

Kuokkala — Куоккала

Куоккала — Финский театр.

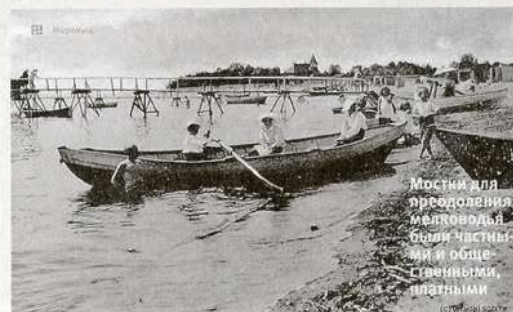

Храм, где могились и православные, и лютеране, и католики, находился в общественном парке сестер Ридингер (территория санатория «Репино»). Недавно там возвели часовню

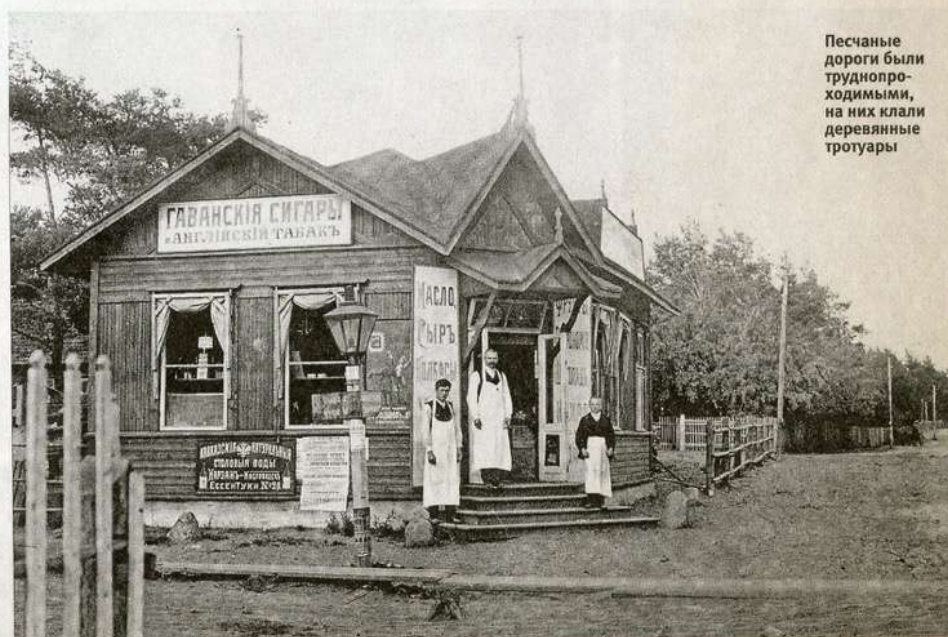
В Куоккале был финский и летний театры

Дороги, как правило, вели от станции к побережью

Мостки для преодоления мелководья были частными и общегосударственными, платными

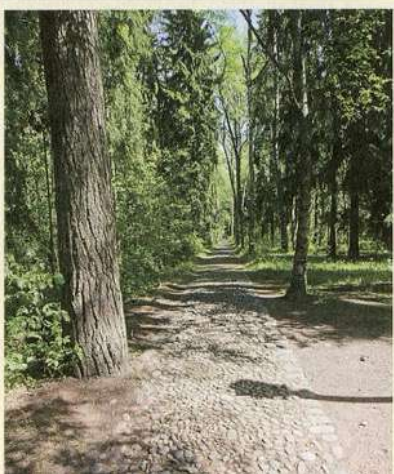
Песчаные дороги были труднопроходимыми, на них клали деревянные тротуары

Kuokkala

Которую мы потеряли

Куоккала дореволюционная и Куоккала финская с застроенными в ряд улицами исчезли почти без следа. Осталось меньше десятка домов разной степени сохранности да могучая кладка береговой гранитной стенки на границе Солнечного и Репина (владелец усадьбы Бартнер защищал участок от прибой). Большинство старых домов, вероятно, погибло в войну, что-то догорает сейчас. Но, что не очень бросается в глаза, не изменилась планировка поселка. Вокзальная, Аптекарская, Песочная улицы даже сохранили дореволюционные названия, только у финнов были не улицы, а дороги — tie. Лежоевская, по имени купца Ивана Лежоева, стала Большим проспектом, а Большая (Береговая) дорога — Приморским шоссе. А. П.

ПРОГУЛКА

Репин на зимней веранде «Пенатов». За спиной — бюст Льва Толстого, вылепленный художником в 1891 году в Ясной Поляне

Вино из ОДУВАНЧИКОВ

В музее-усадьбе Ильи Репина «Пенаты» на протяжении многих лет ничего не меняется. Разве что теперь вместо кино на пленке гостям под конец визита показывают, как и везде, DVD-фильм.

В анекдоте начала прошлого века приводился разговор двух провинциалок: «Знаешь, кто такой Репин?» — «Как же, это который сено ел!» И то правда, талантливых художников в России тогда имелось немало, а вот вегетарианство, которое пропагандировали в доме Репиных, было в диковинку...

здесь постоянно — не как иные дачники, «летние люди»! А с 1918 года, когда закрылась граница с Россией, уже вообще никуда не отлучался из «Пенатов». Постепенно у приморской дороги выросли дом и сад — характерные примеры буржуазной застройки, зримо противопоставленные дворцам и паркам докапиталистических времен, которых больше на южном берегу залива.

Старый адресный указатель у ворот музея

ОСНОВНОЙ АКЦЕНТ В МУЗЕЕ ДЕЛАЕТСЯ НА ЧУДАЧЕСТВАХ ХОЗЯЕВ

Попав в «Пенаты», недоумеваешь, о ком этот музей. О «гении русского искусства» или же о забавном старичке и его экстравагантной второй супруге, собиравших в своем имении не только цвет отечественной культуры, но также разного рода мистиков-сектантов, короче говоря, фриков? О чем он, об искусстве или о жизни? Кажется, поначалу советские исследователи пытались защищать великого художника от всей этой анекдотической шелухи, представляя Репина жертвой сначала жены, затем детей, державших его здесь точно в клетке. Но затем верх взяло развлекательное начало, ибо во вновь открытой усадьбе грех было не упомянуть множество милых подробностей быта, показав посетителям монументальную фигуру Ильи Ефимовича с неожиданной, очень человеческой стороны.

Репин поселился в финской Куоккале под конец XIX века. В 1907 году, оставив преподавание в Академии художеств, он освободил казенную квартиру в столице и стал жить

Жилища интеллигентных дачников, по большей части деревянные, могли возводиться при участии крупных зодчих в стиле модерна или ретроспективизма, но могли быть построены простыми ремесленниками под диктовку хозяев, как в данном случае. Этих домов почти не осталось, последние доживают свой век

Начав со скромного сруба, Репины обстроили дом верандами, террасами и мастерскими со стеклянными шатрами

Репин с гостями
на ступеньках
башенки «Ше-
херазада».
1912 год

в Сестрорецке или Лисьем Носу. Усадьба Репина, конечно, исключение. Подобно тому как, заключив Максима Горького в другую клетку — совершенно чуждый ему декадентский особняк миллионеров-старообрядцев Рябушинских, советская власть гарантировала этому Gesamtkunstwerk рубежа веков беспрецедентную даже по европейским меркам сохранность, так и здесь редкий осколок давно позабытой жизни сохранился — или, скорее, был воссоздан — не в пример другим дачам Карельского перешейка, ибо имел прямое отношение к очень важному для советской идеологии культу «живописца номер один».

Художники часто выступали в роли зодчих, потому что умели рисовать, более того, могли иметь и кое-какие жизнестроительные амбиции. Чаще всего при этом живописец только делал набросок, а расчетом конструкций и сметой занимались профессионалы. Можно вспомнить Виктора Васнецова, проектировавшего ни много ни мало здание Третьяковской галереи, и Константина Коровина с его павильоном Крайнего Севера на Нижегородской выставке. Репин ни на что такое, пожалуй, не претендовал, но свой дом пожелал построить сам. Впрочем, правильное вести здесь речь не о строительстве, а о постепенном органическом наращивании все новых объемов на изначально простую основу. Как тут не вспомнить принцип «изнутри наружу», которому вроде и следовал стиль модерн! Нужна зимняя мастерская, веранда или кабинет? Строим новый объем, придавая ему затейливый силуэт и какие-нибудь (довольно простые) украшения. Вообще же, при некоторой близости позднего Репина к декадентам редкие мотивы ар-нуво соседствуют в доме с более привычными чертами провинциальных усадеб, словно сошедшими с картин школы Венецианова.

Так же постепенно разрастался и сад, вернее, дачный участок, кажущийся почти пародией на пейзажные парки былых времен (над чем так зло посмеялся когда-то в «Буваре и Пекюше» Гюстав Флобер). Есть здесь павильоны, но они больше похожи на беседки в пионерлагере — в саду и в доме вообще много детского, игрового, игрушечного. Но разве не трогательно стремление хозяина каждому пню или пригорку подобрать какое-то имя? Вот откуда пруд Рафаэля, колодец Посейдона, площадка Гюмера?..

Экскурсоводы и путеводители сохранили эти имена, как и дру-

Детский сад, организованный женой Репина Натальей Нордман в здании летнего театра, 1911 год

гие забавные истории, связанные с тридцатилетним проживанием здесь живописца. А экскурсии водили в «Пенаты» даже в те восемнадцать лет (с 1944 по 1962 год), когда не было никакого дома, лишь фундамент. Тогда приезжим показывали стенды с фотографиями, включавшими репродукции и так всем знакомых полотен и изображения утраченного. Говорили, что дом был сожжен фашистами, хотя в действительности он пал жертвой кровопролитного противостояния на Карельском перешейке, при том что ни та, ни другая сторона, разумеется, не желала его гибели. В подлинном виде музей просуществовал чуть больше года — между бегством наследников после Зимней войны и временным

возвращением финнов. Правда, личные вещи в начале новой войны удалось вывезти, остальное же воссоздано по фотографиям и воспоминаниям, как в Петергофе или Царском Селе...

Поздние картины Репина были уже распроданы, ранние же и так хранились в отечественных музеях и в основном к «Пенатам» отношения не имели: все главнейшие шедевры художник создал в иных стенах.

Храм Осириса и Исиды — пример египтомании, низведенной до уровня садовой беседки

Открытая терраса «Пенат», где художник спал даже зимой

Пенаты 1944 года

Бюст на могиле Репина — в советской мифологии ярого борца с мракобесием — недавно заменили на крест. Фото 1980-х годов

Не так ли точно в Михайловском создали целый заповедник, где нет ни одной настоящей постройки? Но это ведь святилище поэта, памятник гражданского культа, религии нового времени, веры в искусство и культуру. И кропотливое воспроизведение когда-то утраченного только усиливает чувство «святости», ибо так здесь происходит преодоление разрушительной работы времени, победа над историей, над неумолимой сменой эпох! Не к тому

едва ли здесь мог возникнуть еще один художественный музей, правильное говорить об усадьбе (или ее руинах, неважно) как объекте культа,

ли стремятся и поэзия, и искусство? Кстати, новый старый дом просуществовал в Репине уже более пятидесяти лет — дольше, чем его подлинный предшественник. Он уже стал старым, подобно тому как состарился заново построенный после войны центр Варшавы.

Впрочем, культ Репина кажется уже больно погрязшим в разного рода бытовых подробностях, когда собственно творчество выносятся за скобки, а целью экспозиции становится демонстрация того, что неко-

служители которого и донныне хранят дом, всячески поддерживая это не слишком популярное в наши дни верование... А прежде посещение «Пенатов» увенчивало собой знакомство

ИЗБЫТОК ПОДЛИННОСТИ ВРЕДИТ МИФОЛОГИИ

с творчеством художника, начинавшееся очень рано — в самом детстве. Шли сюда и ради фундамента сгоревшего дома, и ради репинской могилы, ради аллей и полей, что помнили великого человека. Для сложения легенды даже лучше и правильнее, что тот дом не сохранился, что перед нами копия, имитация настоящего дома. Избыток подлинности вредит мифологии!

которые странности для гения — положим, он и вправду гений, спорить об этом в «Пенатах» все равно не с кем и незачем — более чем допустимы, даже желательны, как знак близости к простым людям, то есть к нам. По тому же лекалу творили у нас и мифологию Ленина, разве что более топорно, так что теперь всем известно, что, будучи прикован к инвалидному креслу, вождь, конечно,

не мог, гуляя летом в поле, встретить мифического печника...

Что же до Репина, тут вроде бы все правда и нет вымысла. Он и жена его действительно практиковали вегетарианство, в самом деле скрывали от гостей присутствие прислуги и по средам принимали всех — знакомых и незнакомых (как бы пародируя дворцовые приемы), причем гости оказывались втянутыми в игру, передвигались по дому, следуя надписям. Верно и то, что не справившиеся с вертящимся столом в столовой произносили импровизированные речи. Репин на самом деле спал на открытом воздухе даже зимой, что, наверное, помогло ему прожить

долгих восемьдесят шесть лет...

Все правда! Неправда лишь в одном, в главном: в утверждении, будто Репин был гениальным художником, а не только интересным, образованным, культурным и немного чудаковатым человеком. И в том, что за этими частностями только ярче проступает его величие.

Впрочем, кого оно теперь волнует? Современный посетитель, воспринимая усадьбу как забавный аттракцион, еще и спросит у музейщиков, не сохранились ли часом вегетарианские рецепты Нордман-Северовой, и почти наверняка получит удовлетворяющий его любопытство ответ. А потом вернется домой и приготовит те самые котлеты из одуванчиков, которыми когда-то Репины потчевали гостей! *Иван Саблин*

Как это похоже на эрмитажи XVIII века, в которых столь же тщательно скрывали наличие круглого стола с поворотным механизмом, где грязная посуда убиралась в ящики. В гостях у Репина — воспитанницы частной гимназии Марии Стоюниной. 1911 год

Репин жил, Репин жив?

Непростую тему «Репин сегодня» обсуждают автор радикально нового взгляда на отечественное искусство, «Другой истории русской живописи» (М.: НЛО, 2012), Алексей Бобриков и его коллега Иван Саблин.

Репина трудно представить хмурившимся или сердитым. На всех фото-снимках он непременно улыбается

Иван Саблин: Публике невдомек, что под видом труда о русском искусстве, от которого ты камня на камне не оставил, из печати вышла редкая по нынешним временам монография о Репине, да какая! Настоящий гимн русскому художнику. И вся твоя разрушительная деятельность в отношении других мастеров XIX века

была призвана лишь расчистить ему территорию.

Алексей Бобриков: Получилось, что все другие художники служат у меня своего рода ступенями, ведущими к Репину. А потом русское искусство

массовом сознании, никакого другого нашего живописца такая советизация не постигла. Он и исчез поэтому вместе с советской властью.

Почему на эту роль избрали его?

Биография-то безупречная: все-таки эмигрант, хотя бы и не по своей воле...

Репин был вызван из небытия искусственно, вопреки логике развития отечественной живописи. Сначала в 1925–1928 годы, когда его пытались вернуть на родину, потом уже после смерти — в 1934–1938 годы. Я ведь и сам поступил как Сталин, пытаюсь возвести Репина на утраченный им пьедестал. Но вслед за вторым этапом максимального влияния живописца его место занял Василий Суриков, и из главного государственного Репин стал главным школьным художником, а дальше уже имела место инерция,

«РОДНАЯ РЕЧЬ» — МЕСТО КАРТИН РЕПИНА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

пребывает уже в послерепинском состоянии. Вот только намеренно разрушать что-либо я не пытался.

Сегодня такое отношение кажется экзотическим. Ведь Репина едва ли можно назвать актуальным художником — в том смысле, в каком актуальны Иван Шишкин или Карл Брюллов, выставки которых собирают толпы.

Наверное, это неизбежная расплата за то, что он был главным русским художником в советское время. Слишком много в него было вложено смыслов. Учебник «Родная речь» — вот место картин Репина в

длившаяся десятки лет. Это напоминает то, как недетские писатели вроде Даниэля Дефо или Джонатана Свифта со временем перешли в категорию школьных. Вот и мифология Репина стала инфантильной, непонятно, как вернуть ей прежний взрослый статус. А как объяснить значение Репина человеку, который не находится под воздействием нашей школьной мифологии, скажем иностранцу? Что могут подумают интуитисты, которых завезут случаем в «Пенаты»?

Если они знают хоть что-нибудь о XIX веке, поймут. Ведь у них есть свои столь же мифологизированные наци-

ональные герои. В особенности у американцев, чье искусство того времени поразительно близко к нашему.

Неужели? Мне кажется, только в России художник — больше чем художник, совесть нации, обличающая самовластие!

Это верно в отношении многих коллег, современников и предшественников Репина. Но Репин — только художник, его невозможно сделать чем-то большим...

Тогда все твои усилия по мифологизации Репина противоречат сути его творчества...

Я человек советской культуры. И в моем восприятии Репин — это персонаж не из «Родной речи», но из учебного пособия для начинающих художников. Он был для меня четырнадцатилетнего сущим богом живописи. Не автором «Бурлаков» и других картин, которым насильственно присваивалось социально-критическое значение, но творцом превосходных этюдов. Моя книга — это воспоминания о том, каким был я в четырнадцать лет. Я Репина немного усложнил, возможно, даже переусложнил. И только сейчас понимаю, по какой модели конструировал своего Репина. Это анти-Иванов. Я пытался написать антиинтеллигентскую историю русского искусства, в противовес той, что строится, наверное, вокруг автора «Явления Мессии». Мне подсознательно хотелось найти кого-то, кто мог бы быть противопоставлен Александру Иванову, прежде всего как великодушный живописец. Иванов для меня скучнейший живописец. В противовес ивановскому идеализму я представил Репина абсолютным позитивистом, даже наделил его своего рода ломброзианским цинизмом. (Имеется в виду учение Чезаре Ломброзо о приращенной склонности некоторых людей к преступлению, основанное на антропометрии. — Прим. ред.)

Что же, никто другой на эту роль анти-Иванова не подходил?

Наверное, в том поколении — Брюл-

лов. Но это избитый ход. Так у нас принято рассуждать еще со времен Стасова и Тургенева. Других же художников, сопоставимых с Репиным по рангу — влиянию, известности, амбициям, у нас не было. Разве еще Верещагин... тоже позитивист. Но какой-то он уж больно равнодушный, тогда как в Репине мне видится особая, циничная страстность.

Валентин Серов?

Он слишком дробный. Нет какого-то одного Серова, Репин же един от начала и до конца, даже если я нахожу у него какие-то периоды, этапы, пытаюсь разобрать его на части, они вновь собираются в единое целое. К примеру, Репин не мог стать кубистом, а Серов, проживи он дольше, запросто принял бы участие в авангарде. Поздний символизм Репина — проявление старческого упадка, буквально трансформации его физического зрения.

И кто же Репин по гамбургскому счету сегодня?

Величайший русский живописец XIX века.

Сотрудники Российского института истории искусств в компании карликов Веласкеса — художника, которого Репин тоже очень любил

Это не Копейкин, и не Ложкин, а поздний Репин, «Красноармеец отнимает хлеб у ребенка»

1

2

Белые ЛЮДИ

Одновременно с советскими отдыхающими на освобожденные от финского населения земли Курортного района прибыли гипсовые статуи.

Абстрактные фигуры — активистов, спортсменов, комсомольцев — были призваны символически закрепить эту территорию за новыми хозяевами, вместе с ними явился сюда и сам «вождь народов». Сегодня от него осталась только лестница, ведущая на пригорок у въезда в Солнечное. Прочие «идеальные люди Страны советов» тоже постепенно куда-то исчезли, не выдержав испытания временем, точнее, переменчивым местным климатом. Сохранившиеся от 1960-х годов бетонные формы, вроде чаек на берегу у пляжа «Ласковый», представляют уже другой, тронутый модернизмом стиль. Вместе с культом лично-

сти обречены были уйти в прошлое классически правильные тела.

Женщина с ребенком (5), излюбленный мотив советских художников, — секуляризированная Мадонна, обретенная недавно, по-видимому, где-то на местной свалке, — одна пережила смутные времена, хотя и уцелела только частично. Верхняя половина скульптуры украшает теперь придорожное кафе рядом с «Пенатами». Изысканные пропилены на въезде в курортную зону, в Солнечном, словно сошедшие с помпейских фресок, жалко более всего. Но и статуи по нынешним временам кажутся не такими пошлыми. Время и стиль, их породившие, канули безвозвратно, то же, чем украшают современные скверы и площади, куда похабнее. И. С.

Места исчезнувших скульптур недолго были вакантны

3

4

5

6

1. Пропилеи на въезде в Солнечное. 1950 год
2. Школа в центре Репина
3. Приморское шоссе
4. Памятник Сталину за пропилями
6. Фигура в заливе

ДОМ творчества

В лесу на границе Комарова и Репина живут композиторы.

Коттедж № 20, где жил летом в последние годы жизни Дмитрий Шостакович

Мкто только у нас тут не жил! Шостакович, Свиридов, Щедрин, Френкель, Фрадкин, Андрей Петров, Тищенко, Шнитке. — Официантка Нина, работающая «у композиторов» больше тридцати лет, с видимым удовольствием перечисляет великих. —

Высоцкий приезжал с Кимом Рыжовым, Юра Шевчук любит бывать... Да все, вся творческая элита».

Творческие союзы — писателей, художников, архитекторов, композиторов, — созданные по указанию Сталина в 1932 году и насильно объединившие людей свободных профессий в средневековые цеха, были наделены не только кнутом, но и пряником. В число распределяемых благ входили и дома творчества, где членам союза предоставлялась возможность жить на всем готовом и спокойно работать. До войны ленинградские композиторы ездили в Лахту, после им была выделена территория в Репине.

В центральной усадьбе — по преданиям еще финской — можно занять комнату, отдельные домики (здесь их называют коттеджами), как правило, предназначены для одной семьи. Большинство — всего лишь

«Финский» корпус

летние дачи, но с удобствами, в некоторых, с центральным отоплением, можно жить круглый год. Как вспоминают старожилы, раньше не разрешалось привозить с собой детей до трех лет, чтобы они не мешали сочинять. В каждом домике есть рояль, и, как признаются музыканты, сейчас в Репине действительно очень хорошо работается.

«В Репино приезжали ради общения, — вспоминает Эра Барутчева, музыкальный критик, профессор Консерватории. — Мы постоянно ходили друг к другу в гости, слушали и обсуждали новые произведения. Кто-то, приехав с фестивалей, привозил записи новой музыки. В главном корпусе была отличная библиотека с толстыми журналами, мы совершенно не чувствовали себя оторванными от жизни. Еще умудрялись ездить на концерты в Филармонию и к полуночи возвращаться обратно. Проживание стоило 1 рубль 65 копеек в день для членов Союза композиторов, чуть дороже — для членов их семей. Накануне можно было выбрать из меню блюда на завтра».

Главным корпусом — с библиотекой, столовой и концертным залом — в 2000-е пришлось пожертвовать, сдав его в аренду. (Сейчас там отель Casablanca.) Это позволяет Музфонду содержать остальное жилье в ситуации, когда госфинансирование Союза композиторов прекратилось, а коммунальные платежи и налоги с каждым годом растут.

Музыканты оказались дружные коллеги: закрылся в ожидании суда по делу имущества Дом писателей, законсервирован Дом кинематографистов. А на Приморском шоссе, 471, как раньше: распахнуты ворота, дорожка выходит прямо к морю, из открытых окон слышна музыка. Здесь чувствуется какое-то базовое доверие к миру и сохраняется атмосфера, что вокруг все свои. А. П.

проект представляет: **РЭЦАС** ГРУППА КОМПАНИЙ

Личный опыт

Алексей Горболов
пианист — о музыке на берегу

Когда я приехал в Репино первый раз, Леонид Десятников представил меня Белле Ахмадулиной. В конце 1980-х она подолгу жила в Доме творчества. В ее стихах можно найти помехи, что они написаны в Репине и Комарове. Однажды, на мое тридцатилетие, съехалось много друзей-музыкантов, и неожиданно в концерте приняла участие Белла Ахатовна. Зал на втором этаже главного корпуса заполнился битком, машины облепили шоссе, музыка, стихи, пение неслись вдоль моря. Наверное, тогда у меня и возникла идея фестиваля в этих дачных местах. Он стал реальностью шесть лет назад, концерты «В сторону Выборга» проходят в Сестрорецком Курорте, «Пенатах», Комарове, Зеленогорске. В день столетия Шостаковича мы устроили концерт в его двадцатом коттедже — исполняли романсы и камерную музыку. Молва об этом приватном выступлении разлетелась по всему берегу, и собралось очень много народу. Люди стояли вокруг домика, у открытых окон, было в этом что-то пронзительное. Похожий вечер состоялся и в память Беллы Ахмадулиной, через полгода после ее ухода. Московский поэт Вера Павлова читала тогда у пятнадцатого, ахмадулинского коттеджа ее репинскую тетрадь. Дружили ли мы домами творчества с кинематографистами? Не то чтобы навещали бесконечно, но мы знали, что они есть там, наверху, ближе к станции, порой заходили к ним, ведь Баневич, Десятников, Андрей Петров много работали для кино. А кинематографисты, пока еще имели возможность приезжать в свой Дом творчества, знали, что на берегу, у залива, есть мы и наша отличная столовая с баром. В последнее время, конечно, многое меняется: вдоль шоссе появилась шалман-рестораны, музыка разносится уже совсем другая. Но постоянный круг музыкантов, привыкших бывать здесь, — Сергей Слонимский, Александр Кнайфель, Ирина Тайманова, Ольга Манулкина — остается верен Репину.

Главный корпус дома творчества теперь занимает отель Casablanca. Без концертного зала, но с бассейном

обход [ДОМА КВАРТАЛА]

Все, на что стоит обратить внимание: от старых дач до модернистских автобусных остановок.

Отель Residence

Бывший дом отдыха «Строитель» имени Горького

В поселке Репино с его нерегулярной дачной планировкой — отсутствием площадей и широких прямых проспектов — сложно понять, где центр. В пренебрежение времени на его роль мог претендовать ныне почти не видный санаторий, возведенный в 1950-е годы. Не райсовет и не клуб, а лечебное учреждение демонстративно подавалось тогда в качестве главного здания курортного поселка. Точно так же в Зеленогорске в центре поместили школу с почти дворцовым фасадом и подводящей к нему со стороны залива барочной перспективой. Не исключено, что автором репинского санатория был тот же А. Афонченко, руководивший застройкой этой части курортной зоны. Дом отдыха «Строитель» получился немного в английском вкусе: портик с лестницей напоминает палладийскую виллу, башенка — купол англиканской церкви. В те времена именно в таких дворцах полагалось жить (отдыхать, учиться) простым советским людям, теперь здесь отель. Странное добавление к названию имени Горького объясняется тем, что в 1904 году автор «Детей солнца» снимал комнату на вилле «Линтула» («птичьи» по-фински), которая находилась на этом месте. Да и просто важностью фигуры пролетарского писателя для советской политической мифологии — его имя могли присвоить тогда чему угодно.

Недавно, следуя петербургским образцам, отель встроили в ландшафт

Стела старорежимная, надпись — недавних времен

Памятник Репину

Бюст Репина работы Матвея Манизера собирались установить в Ленинграде к двадцатилетию со дня смерти художника. Но в то время места в городе ему так и не нашлось. Вплоть до 1999 года бронзовая отливка хранилась в Музее городской скульптуры, ныне она в компании Василия Суринова украшает Румянцевский садик на Васильевском острове. Но еще в 1957 году копия бюста появилась в центре поселка Репино. Сдержанно-мягкий взгляд, курчавая шевелюра и борода. Под конец карьеры скульптор, некогда способный на создание дерзких образов, вроде Володарского у одноименного моста или жертв Кровавого воскресенья на Преображенском кладбище, занимался преимущественно иллюстративными материалами из серни: вот так выглядел Репин, а вот так — академик Лебедев.

Дом кинематографистов

Появился в Репине в 1963 году. Сейчас находится в «заснувшем» состоянии: за ним явно следят, но отдыхающих не видно. Приятно зайти на его ухоженную территорию со 2-й Новой улицы, где открытая калитка воспринимается как нонсенс: вокруг стоят суровые особняки с высокими заборами, камерами и охраной.

Наружная винтовая лестница — из тех изгибов, которые создавали в хрупкое время как знак принадлежности здания к передовой архитектуре, но почти никогда не использовалась

Дача Вырубовой

Единственная старая дача на побережье, почти исчезнувшая, но восстановленная почти такой же. Оказывается, это возможно. В списке охраняемых объектов фигурирует как дача Вырубовой — фрейлины, ближайшей подруги последней императрицы Александры Федоровны, прапраправнучки фельдмаршала Кутузова. В 1921 году Вырубова бежала с матерью из Советской России в Финляндию и какое-то время жила на своей даче в Куоккале.

Высокие башенки дач — наследница классических бельведеров (от итальянского belvedere — «прекрасный вид»). Дачники, поднимаясь на них, любовались заливом и дышали морским воздухом.

Выход из корпуса на залив украшен смелым изогнутым козырьком

Автобусные остановки — и в Советском Союзе по большей части типовые — вроде бы тема для архитекторов изискуснейшая. Ах нет! Еще в 1920-е те разрабатывали «динамичные мотивы» таких малых форм транспортной инфраструктуры, как железнодорожные полустанции или трамвайные павильоны. Остановка 1960-х годов постройки явно выполнена по индивидуальному проекту — с бетонной брутальностью Ле Корбюзье здесь соседствует акцентирование горизонталей, как у Фрэнка Ллойда Райта. Еще один раритет — неоновые письменные буквы на крыше: «Санаторий "Репино"». Когда-то ленинградские фасады и крыши были щедро декорированы подобными конструкциями. В 1990-е эти надписи почти везде демонтировали.

Модернистская скульптура с солнцем составляет часть ансамбля автобусной остановки

Санаторий «Репино»

Сторона, обращенная к морю (некорректно называть ее фасадом), вся составлена из бетонных коробочек лоджий, дабы никто из постояльцев не был обделен ни видом, ни воздухом. Используя язык классики, о таком всеобщем удобстве и не расскажешь. Полного единообразия достигли — и в жилых домах, и в домах отдыха — только с помощью железобетонного модернизма. В планировке берегов залива подобные новостройки вторгались когда-то как определенно художественный жест, дерзко противопоставленный природе, не то что прежние островные дачки или даже сталинские дома с колоннами. Со стороны поселка за современность отвечали проходные санатории или же принадлежащие им автобусные остановки, а также стены с надписями.

На фоне здания в Советском Союзе удавалось лишь соорудить автобусную остановку

Колонна, скрепленная со столбом, — следствие непрочности первоначальной конструкции

Такой же павильон украшает станцию Комарово

Станция Репино

Маленький репинский вокзал был с двух сторон окружен деревянными павильонами, исчезнувшими, когда для электричек построили высокую платформу (паровые поезда останавливались прямо перед павильонами). Ветку Ленинград — Зеленогорск электрифицировали в 1953 году одной из первых, чтобы доставлять трудящихся в Курортный район. Сейчас, когда по трассе следуют скоростные поезда «Аллегро», пути огородили сплошным забором. Поезд у Большого проспекта должна сменить большая развязка, решение о ее строительстве уже принято.

«Кантеле»

Комплекс таунхаусов «Кантеле», построенный Группой компаний «ЦДС», удачно сочетает легкость сообщения с городом и близость к побережью. С открытием всех запланированных развязок на Приморском проспекте до центра Петербурга теперь можно добраться за сорок минут, причем на пути встретится только два светофора. Через год должен заработать Западный скоростной диаметр, развязка которого с трассой «Скандинавия» находится в двух километрах от «Кантеле» по Зеленогорскому шоссе. Если отдельные

дома в коттеджных поселках в Репине и окрестностях предлагаются за 12–15 миллионов рублей, то предложение в «Кантеле» начинается от 7,9 миллиона. Можно выбрать двух-трехэтажный таунхаус, состоящий из нескольких секций. Минимальная площадь секции — 120 квадратных метров, максимальная — 240. В комплексе проложены все необходимые коммуникации: канализация, газ, телефон, высокоскоростной Интернет, спутниковое телевидение. Территория поселка огорожена и охраняется. Нет проблем с парковкой, магазином, детскими площадками.

Комплекс «Кантеле» находится между Зеленогорским и Приморским шоссе

